

Юрий Луценко

ПОБЕГ ИЗ ССЫЛКИ

мемуарная повесть

Юрий Луценко

**Побег из ссылки.
Мемуарная повесть**

«Издательские решения»

Луценко Ю. Ф.

Побег из ссылки. Мемуарная повесть / Ю. Ф. Луценко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900351-5

— Ты думаешь, они могли нас снять с поезда?— А ты хочешь сказать, что тебе не так подумалось? — ответил вопросом на вопрос сердито. Потом добавил:— Они всё могут. От них всего можно ожидать. Это их государство, тут их власть, их законы. А потом трое суток в пути. Трое суток ощущения внутренней, почти полной свободы.

ISBN 978-5-44-900351-5

© Луценко Ю. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	20
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Побег из ссылки

Мемуарная повесть

Юрий Филиппович Луценко

© Юрий Филиппович Луценко, 2017

ISBN 978-5-4490-0351-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Города до нашего приезда еще и не было. Он официально получил статус города уже при мне, правители страны будто ждали моего появления. А в дополнение ещё и моего сорокалетия! И всё это случилось 1 апреля 1964! Был «день дурака»! Этот посёлок городского типа, специально строили для строителей шахт подмосковного угольного бассейна. Одну шахту уже почти закончили, через несколько месяцев должны были её вводить и передавать в эксплуатацию.... На второй пробиты ствол.... И, внезапно, неожиданно почти для всех, пришло постановление Совета министров РСФСР и приказ министерства о прекращении строительства – консервации незавершённого производства. Шахтостроительное управление переименовали на просто «строительное». И переориентировали: направили на создание крупного промышленного центра – комбината шёлковых тканей из искусственного волокна, на базе японского оборудования.

Хрущёву захотелось вдруг одеть женщин страны в цветастые платья, пускай даже из искусственного шёлка!

Вот с этим-то посёлком, этого города предшественником, призванным воплощать в жизнь мечту главного в стране Никиты, первая встреча у меня состоялась летом 1963 года.

До этого я не знал о нем ничего, ни о его расцвете, ни об умирании и новом расцвете, не слышал даже о существовании такого посёлка с именем «Кораблино». Когда мои родители приехали к нам первый раз мама спросила: «А где же тут корабли?»

А до этого ещё всё не менялось: ссылка без срока, конца и края. А как совершалось будто самочинно, вроде само собой!

Мы – а это я со своим семейством, женой и тремя детьми, жили тоже почти в таком же рабочем посёлке «Бактин» – в двух десятках километров от Томска.

В Сибирь попал я тоже не в поисках приключений и отнюдь даже совсем не по собственному желанию. Срок пребывания в исторически каторжных местах установлен мне не был. А, следовательно, сибиряком – строителем, а прежде того лесником – стать я должен был по их расчётам навечно.

Только я, постепенно присмотревшись к той сибирской обстановке как оказалось потом, оказался немного хитрее их.

Контроль надо мной, политическим подопечным, во время моего пребывания в сибирской «большой зоне», и за поведением моим в тех местах вообще-то, от имени местного КГБ, возложен был на начальников отдела кадров тех предприятий, где мне приходилось трудиться. На этой должности работали в те времена особо доверенные люди. На добровольной основе конечно, но и с довольно приличной по тем временам надбавкой к заработной плате. Да еще с дополнительным отпуском – за выполнение их этих контрольных «специальных обязанностей». Но ведь и они тоже люди, хотя и «партийные»!

Мужик на сей раз, в строительном управлении на этой должности попался неплохой, и даже по местным меркам слишком уж порядочный, И ко мне он, как казалось тогда, набивался даже в друзья. Я бы и не отталкивал его дружбу особенно, если бы не довольно странные особенности наших с ним взаимоотношений. За общим столом при всяких там корпоративных праздниках местного значения, он как бы случайно почти всегда оказывался рядом со мной. А я был всегда и до этого слишком у мнительным, подозревал какой-то расчёт его в этом. Но причина, как потом я понял, была довольно проста – оба мы были трезвенниками. По необходимости, а не по особой идейности. И отказываться от лишней дозы спиртного вдвоём всё же легче, чем каждому поодиночке.

Потом ещё оказалось – он видел во мне уже будущего своего соседа – двухквартирный дом на пустыре почти рядом с нашим «коттеджем», сразу же укрытым от любопытных глаз высоким забором – предназначался именно для него в паре с новым начальником ПТО (технического отдела).

Несколько месяцев спустя Тимофеич (так мы называли кадровика) заикаясь от какого-то смущения, мне объяснял, когда мы, пользуясь хорошей погодой с ним, игнорируя транспорт, шли домой пешком.

– Живём мы, понимаете, вдвоём с сыном... Жена моя ушла от нас, почуяв раньше меня что-то неладное, что творилось с нашим «Алекмиком» – сыном. Умный, талантливый мальчик, круглый отличник, любимец почти всех учителей в школе, стал немного иногда вдруг как-то заговариваться, говорить что-то невпопад.

Школу он закончил почти отличником – с одной четвёркой. И очень легко, самостоятельно, даже не советуясь со мной, поступил в Томский Университет.

А потом уже... после первого курса пришлось мне пристраивать сыночка моего единственного в психбольницу.

Шёл со мной рядом нестарый ещё, заслуженный человек... и жаловался на судьбу свою страшную, на одиночество... и горькие слёзы вытирал, не таясь не товарищам своим из партийного бюро, а мне ссыльному. И было мне до боли ему жалко. Но, как утешить его, чем успокоить не мог найти, не мог придумать. А от того самому было стыдно и неловко

– А вот сейчас! – Промолвил и голос его дрогнул – Как только в квартире завершат отделку, привезу я своё бедное чадо домой... И, будет он у меня за высоким забором прятаться от сверстников и от невест... И через щели подглядывать, как живёт окружающий нас прочий народ мира этого.

Так вот, оказывается, по какой причине искал хоть моей, политического изгоя, дружбы наш очень авторитетный начальник отдела кадров, секретарь партбюро организации....

А мне уже хотелось, ну просто язык чесался! – пояснить Тимофеевичу, что ничего само собой к нам в жизни не приходит. Всё – расплата наша за поступки наши, – захотелось ему получать надбавку к зарплате – вот и имеет.

Но, пришло время – отделочные работы на строительстве важного объекта по Иркутскому тракту за Томском, которые выполняло наше строительное управление, были завершены и организацию нашу просто решили ликвидировать за ненужностью.

Просто вот так: прошла нужда в кадрах по профилю отделочных работ на этом объекте, рабочих распределили по другим организациям, на строительстве жилых домов в городе, а список инженерно-технических работников передали в ведение отдела кадров городского управления строительства.

Никто не хотел понять, что организация, где создан в процессе строительства объекта дружный коллектив, подобраны рабочие и служащие не только разных нужных специальностей, но и характеров, способностей притираться друг к другу, симпатизировать, любить, организация эта – давно уже стала как бы живым организмом.

Рабочих-девочек и мальчиков, только вышедших из подросткового возраста, 3 – 4 года назад пришедших к нам из профтехучилища по распределению, на высококачественной отделке завода военного завода отточивших своё мастерство, поштучно, как особенно ценных работников, разобрали передовые строительные организации города.

А служащих же, работников, нужды в которых в управлении строительства города не было, тех просто уволили, оплатив только двухнедельное пособие.... Выставили нас на улицу, предоставив самим возможность определять свою дальнейшую судьбу.

В суматохе ликвидации, отдаленно напомнившей мне начало войны, тогда не было в головах начальства и мысли о нашем будущем трудоустройстве. Как и о нас, как товарищах,

нескольких все же сравнительно хороших лет, проведённых за рядом стоящими рабочими столами, в соседних рабочих комнатах.

Никто нас тогда не собирал, никто не поговорил озабоченно, дружески перед расставанием с завершением совместной деятельности

Просто, не прощаясь, молча, проглотив накопленную обиду, исчезали из моего горизонта один за другим очень симпатичные мне люди. И тоска всё больше и больше наваливала на душу.

Только в коридоре нос к носу, совсем уж случайно столкнулся я с самим начальником СМУ.

Уже даже разминулись было по инерции, и разошлись привычно в узком пространстве, на ходу уронив каждый свое краткое «здрассте» – «привет»... Но он будто вспомнив что-то, не дал мне уйти. Вдруг ухватил за рукав и повернул лицом к себе.

– Все! – думаешь? – Гурьянов-то – сволочь этакая? Бросил друга на произвол судьбы? – И в глазах его, припухлых слегка, да еще и прищуренных, вдруг появилась затаённая злость.

– Ну, зачем вы так? Ничего я такого и не думал. Да и вообще, какой я вам друг? И никто ничего мне не обязан. Все выполнено в строгом соответствии с законом. Нет у нас никаких претензий ни для обращения в прокуратуру, ни для предъявления в суд, – сдерживать обиду и я уже не мог.

– Ну, вот – вот. Я же говорил! «В прокуратуру...» «В суд...» «В Организацию – еще – Объединенных Наций»... И это такое холодное «Вы»! А чисто по-человечески, по-товарищески – мы уже не можем решать дела? Мы что? Уже сразу и чужими стали, как только сверху приказы подписаны и выданы документы?

– Ну, может еще – обмоем расчет. Ну, выпьем по рюмке. А что же еще? Да и не были мы с вами на «ты». Так иногда, случайно...

– По рюмке...? И ты тоже так? А я-то думал... А ну-ка зайти! – Он посторонился немного, пропуская меня к себе в кабинет.

Там было уже пусто. Мебель увезли. Небольшой приставной столик и три стула выглядели нелепо – сиротливо в большой светлой комнате. Да еще портрет правителя на стене, густо засиженный мухами.

– Присядь на минуту! – кивнул он. – Я же понимаю прекрасно – меня – начальника перевели с повышением, в хорошее большое, а главное – в городское – управление. А вас всех, при помощи которых я и стал достойным такого повышения, пинками под зад? А я – вот так – не могу!!! Не научили меня в детстве к таким отношениям родители. Я спать по ночам уже не стал, ты это понимаешь? Зашел вчера к заместителю начальника Управления строительства области, он – мой теперь куратор... «Разрешите, – просил – человека хоть три-четыре с собой из моих доморощенных, родных кадров взять в новое управление».

А он посмеялся надо мной, а потом и обматерил еще.

– А их-то, тех, которые на своих местах работают, ты куда денешь? Захотелось тебе по судам ходить, да по партийным органам? Не чуди, – говорит – Гурьянов! Иди, работай!» – Потому вот так! Давай вот мы с тобой и договоримся! Я тебя к себе возьму на инженерную должность. Нет – Нет! Я понимаю! Не твое это! Ну, только месяца на три – четыре. А потом я постепенно разгоню тех дубов и бюрократов, которые там собрались... И переведу тебя на твое законное место!

– Нет у меня там «моего законного» места!

– Нет, так будет! Это же в наших руках.

– Не чудил бы ты, начальник! Еще выговор по партийной линии схлопочешь!

– А это уже мои проблемы! – сказал он с сердцем...

Вот такие у меня шансы прорезались. Перейти постепенно на работу в центре Томска. Там и условия труда лучше, чем в нашей пригородной глухомани... Важно было и то, что появлялась надежда на возможность получить благоустроенную современную квартиру в одном из тех домов, которые они строили.

– Ну, а если так не получится? Не всё же там и от вас зависит. Должность же главного бухгалтера на утверждении в тресте. А, кроме того, это же непорядочно просто – таким способом производить рокировку. Вы же так не умеете. Не такой вы человек! Да и зачем это вам? Мне тоже не хочется идти в новый коллектив с камнями за пазухой.

– Тоже мне законник выискался! А мне, что прикажешь делать, если они не из того материала люди, с какими я привык работать?

– А вот тут уж я вам не советчик...

В другое время, ну хотя бы за год перед этим, я от безысходности, закрыв глаза на фальшь своего положения, через себя переступив, может и согласился бы на такой вариант... Жизнь это всё же ринг, где может выжить, кто более к тому приспособлен. Да и больно хороший товарищ в работе – этот Гурьянов!

А тогда... Я все же никак не мог понять, как это так лазеечка у меня такая образовалась в моем правовом состоянии. Появился шанс, будто возможность даже уехать отсюда! Проглядели «они» там, в тех кабинетах что ли? Сам, думаю, о том и оглядываюсь по сторонам – не подслушал бы кто мои мысли! А было строительное управление, был ведь и работник по кадрам. Это тот самый Тимофеич, который обязан был непосредственно следить за моим постоянным присутствием в ссылке. И человек он был вполне порядочный. С таким, как он можно было бы даже дружить в социально-бытовом плане. На рыбалку ходить, за грибами, орехами... И при должности подлой. Он же не виновен, что в его должностные обязанности входило – «держать и не пущать» меня – закрепленного ссыльного, внесённого в списки этой области в Сибири, конкретно – к Томской. До «особого распоряжения». Чьего «распоряжения? Кому? И он, независимо от наших с ним взаимоотношений, сейчас просто «работал», выполнял свои обязанности. Я и не должен был знать – или подозревать того, насколько прочно был тут закреплен, какие у меня возможности в этом плане. Это он тогда сам руководитель – Гурьянов, душа добрая, по дружбе, под рюмочку, мне на ушко нашептал и конкретно разъяснил обстановочку.

И вдруг оказалось неожиданно так, что кадровика того уже не стало – он тоже попал под сокращение, как и все мы. Нет кадровика!!! И по-соседски на дороге или в очереди за хлебом, тоже как-то не показывался. А я, оказался неожиданно вдруг без своего «ошейника» и без «поводка». И что же? Должен я по привычке всё так же, продолжать ощущать себя «закрепленным»? А через кого? И за кем?

– Ау! Кадровик! Где ты?

– Нетути...

А если в тот час в душу мою уже стучало заветное желание? Рискнуть всё же собой, да попытаться, невзирая на предупреждения всяких там «компетентных органов»... отказаться все же от прелести жизни в этой распрекрасной Сибири... Да обрубить все и положительные концы в виде суммы заработанного авторитета и казенной квартиры, таким трудом заработанной... А что, если, как в омут мне броситься – податься в бега, закрыв глаза туда... Уехать в те заветные края, где климат более благоприятный, «цивилизация» немножко, выше сибирской... Да и люди, будто бы, как жена говорит, хоть чуточку, подороже.

– А семья? А дети?

– А они жены, больше, чем мои!

Захотелось мне до этих самых «чёртиков» в животе, глядя в постоянно тоскливые глаза моей супруги, наконец, после долгих лет, проведенных на северах и в сибирях, успеть еще в этой жизни попытаться прижиться как-то, зацепиться за какие-то кочки. И прожить немного перед пенсией еще и в других местах огромной страны с более благоприятным климатом.

Я закрывал воспаленные глаза... и чудились мне, что лежу на траве, между деревьев под созревающими на ветках яблоками.... Вижу воочию, немного скосив глаза, как помидоры с огурцами прямо с грядки люди хватают грабками невымытыми, обтирают о полу какой-то не стираной куртки.... И кусают... с хрустом на зубах. Прямо так... без хлеба. А потом укладываются загорать.... До красных пузырей на спинах набираются в зиму под солнцем здоровья. И со стоном на ночь обкладываются полотенцами, смоченными кефиром.... Да разве такая жизнь – это ли не счастье после Сибири?

Но самое главное и заветное было у меня желание – увезти бы троечку своих малышей подальше от всей этой сибирской экзотики в окружении мощных труб, изрыгающих ядовитый дым.... От всех этих секретных и полу – секретных «почтовых ящиков», так плотно по-волчьим обложивших беззащитный прекрасный старинный город, что и спрятаться от них невозможно.

Хотя мне и объявили при выходе из заключения, что именно там, в Сибири, и есть среда моего постоянного обитания. Это, с учетом студенческих льгот – мой оптимальный вариант – окраины города Томска! И благодарить судьбу нужно за то, что и так удалась моя хитрая комбинация через Университет из тайги переезда в почти сто город.

А это и следующий шаг – уже рискованная попытка совершить авантюру! Но, как, кроме пути собственного опыта можно было узнать, а что бы мне грозило, если бы задержали по пути в тот большой открытый мир для относительно вольных людей.

Я просыпался ночью и думал, чуть голова не раскалывалась. Ведь пришло время для великих перемен и в бытовом смысле, как нельзя само собой всё лучше складывалось, и было оно самое благоприятное со всех сторон. Такое соотношение возможностей может снова так никогда не представиться!

В том году своих институтах получали дипломы сестра моя, и её муж Сергей. А он, что совсем для них немаловажно, был даже членом партии... Ему уже и сообщили о том, что по распределению получит он направление на работу в Челябинскую область.

От опеки над детьми сестры, таким образом, освобождались наши родители. И они тоже уже пустились в мечты о том, как бы зацепиться где-то, как-то в краю, где немного теплее.

И выпало так, что вдруг наша не только административная, но и психологическая привязка к Сибири совсем ослабела.... Уже думалось о том, что как бессовестно бы было для меня уезжать, оставляя их, своих родителей, в Сибири.

Ведь надо же было так – в очень преклонном возрасте, повоевав на «гражданской», весь век, оттрубив потом на ответственных «советских» работах, отцу – (даже не отцу, а отчиму при том!) по крупницам, шаг за шагом постепенно завоевывая гражданский авторитет, однажды оказаться вдвоём с нашей мамой, при ни каких правах пенсионеров, далеко-далеко от малой своей Родины, в краю, где из двух жителей, один обязательно ссыльный, а каждый третий еще и «стукач»!

Я каждым квадратиком всей шкуры своей, на себе ощущал его обиду, усиленную огромным весом лично моей вины в том. И по ночам часто просыпался с сосущей болью под сердцем.

Старался глушить ее, эту боль, корвалолами, валокординами или ещё какими-нибудь «каликками-моргаликами» по квалифицированным рекомендациям сестры

– Ты не смей и думать о «том»! – говорила она мне, грозя пальцем. – У тебя дети, дела, да еще почти вся личная жизнь впереди!

Как это странно было слышать от нее эти слова – «дела»... «дела?»

А ещё – «личная жизнь!» Я бы согласился жизнь во всех столицах мира и в больших городах, отдать за право жизни в Михайлове, маленьком городке, под Рязанью... Если бы мне только кто-то предложил такой добровольный выбор.... Кроме жены, конечно. А она... всё бы бросила, кроме меня с нашими малышами... и с закрытыми глазами туда помчалась.

И во снах своих, тихо посапывая, она, должно быть, видела свой родной Михайлов.... Тот самый, что, по их мнению, был маленькой копией стольного города Киева! Ну, уж копия,

так копия... Если не видели вы, что такое Киев! Пускай уж и «копию». Тем более что нас там ждут с нетерпением...

Вот вижу, как наяву: «сваливаемся» мы вот так однажды вдруг, как снег на голову теще с тестем, чтоб не мечтали.

Да внезапно... без всякого предупреждения...

Вот была бы суматоха!

Только там, в этом городке, из всей страны была у меня единственная какая-то «страховая» гарантия на самый-самый крайний случай. Гарантия того... что дочь свою, с внуками при ней, в любом самом наглom случае старики не выгонят. Приютят. И даже с искренней радостью, как всегда принимали. И прокормят и позаботятся о них, без единого слова в упрёк... Если даже для меня моя сумасшедшая авантюра обернулась бы с треском, с большим или даже маленьким проколом..

Кто их знает, кто может предугадать, как «они» поступят, на что только способны эти наши власти.

А сам-то я... да не обо мне уж речь... как-нибудь на хлеб себе, на «чернушку» всегда заработал бы, даже, если это «гарантийный паёк», и в самом неудобном для жизни месте.

Глава 2

Но именно в Михайлов, «малую Родину» жены, в зелёный и симпатичный, по взгляду из Сибири, городок, мне, с другой стороны, ехать уж ой как нельзя было.

При том, что и сам городок нравился мне, и отношения с новыми, Богом данными, родственниками сложились у нас вполне будто бы благоприятно...

Тёще моей – так той я, совсем пришёлся по душе.

Она – добрейшая, простодушная женщина, явно при всех остальных моих домочадцах, всегда довольна была мной, и хвалилась открыто. Ведь я – первый зять её – попался ей – такой непьющий, некурящий, и не гулящий!

А что ещё нужно было по её понятиям, для нормальной семейной жизни?

Мы с ней так пришлись по душе друг другу, что даже и потом, много позже, когда появилось у нее ещё два следующих зятя, и с сыном родным в придачу, я так и оставался для неё самым привлекательным, самым желанным. И так оставалось до последнего часа жизни её на этом свете.

И тесть тоже, мне симпатизировал молча. Он все делал молча.

Когда я и потом уже на протяжении многих лет приезжал к ним, с семьёй, один ли, в командировку... тесть подходил ко мне, когда никого из соглядатаев не было, садился рядышком, вздыхал тяжело... И сидели мы с ним молча, без единого слова... иногда довольно долго – с полчаса, даже и больше.

– Что? Помолчим, отец? – Спрашивал его я.

– А о чём говорить-то? Всё и так ясно – понятно. Пускай бабы себе болтают.

– Бабы? – Спрашивал я. Это слово было для него чужое, не из его лексикона

– Ну... как бы – женщины...

– Ну, ладно, давай помолчим. – И мы сидели с ним рядышком. Молча. Два мужика среднего ещё возраста, столько уже переживших, столько испытавших, что на десятки в другое время было мало. И думали каждый со своей стороны, по одной и той же сейчас как бы параллельной теме. Пытались разрешить очень сложную, неразрешимую для нас обоих задачу...

Было у нас с ним одно обстоятельство, всю важность которого и сложность его ощущали только мы с ним. Зять с тестем. И, о том «обстоятельстве» мы, не сговариваясь, предпочитали молчать, и никому никогда не рассказывать.

Именно от этого «пунктика», с этого маленького такого «обстоятельства» и начинались самые тяжёлые мои думы, мои опасения и тайное нежелание, в те годы связывать свою дальнейшую судьбу с Михайловым. Таким милым зеленым городком под Рязанью.

Случилось это еще в конце лета 1958 года.

Тогда нам с женой с большим трудом, отказывая себе во многом даже необходимом, удалось прикопить немного денег для того, чтобы съездить в отпуск к родителям жены. И самим бы отвлечься, отдохнуть от быта Сибири и детям дать возможность погреться на солнышке, восполнить свои организмы запасом витаминов.

Стоимость билетов на обратную дорогу родственники нам обещали возместить. Да и еще с процентами. И это было очень кстати...

Алёнке шёл только второй годик, Серёже – всего – четвёртый месяц. И такая поездка именно в те годы, для нас, надо сказать, была очень смелым поступком и связана с большим риском.

И люди удивлялись – надо же – решиться вырваться, в дальнюю дорогу, с двумя такими малышами.

А ребята наши, при том, что и здоровьем были слабенки, в поведении своем – оказались на редкость самостоятельными сибиряками.

Дорога до Михайлова, с пересадками в Томске и Москве, на все про все отняла у нас четверо суток. Обратно – опять четверо. Вот восемь дней из моего отпуска как телок языком слизал.

Дети вели себя безукоризненно, мы даже гордились уже этим. Настроение оттого у нас становилось все более бодрым. И весь мир стал проглядывать для нас уже даже в розоватом свете. Даже в поезде, среди чужих, на редкость доброжелательных, нам сочувствующих людей, было много положительного в разнообразии, отвлекающем нас от рутины будней таежного поселка.

А в Михайлове целый рой родственников, как и ранее, встречал нас таким шквалом гостеприимства, такой любовью, радостью, что казалось, будто весь мир уже незаметно преобразился и подобрел.

В нашем полном распоряжении было дней ещё почти двадцать. И почти весь пляж на берегу тихой красавицы-речки, с мягкой сочной травой вместо песка и хорошо прогретой водой был тоже почти наш собственный.

А ещё – роскошный небольшой огородик, с маленьким, в несколько яблоневых деревьев и грушечным садиком.

Там всё зрело, наливалось соком, благоухало... Казалось, будто всё это специально приготовлено было к нашему приезду, всё нас только и ожидало.

Яблоки, огурцы, помидоры, вызревшие уже, готовые, в натуре, прямо на грядке, на дереве... Все само просилось, если уж не прямо непосредственно в рот, поскольку и кушать уже не хотелось, то хотя бы покрасоваться, чтобы любоваться, нежно гладить руками, наслаждаться забытым запахом.

Тёща в постоянных хлопотах не знала уже, как только угодить нам, чем ещё побаловать малышей и нас.

Она толкала ребятам в руки всё, что могла отыскать, на рынке, в магазинах, у соседей... И всё только, чтобы самое-самое. И яблоко, такое уж самое аппетитное из тех, что были не в саду, а с юга привезённое – на рынке. Или сливы, так такие, каких дети и видеть не могли ещё в своей короткой жизни. Или абрикос или персик с нежнейшим пушистым румянцем... А ещё и арбуз, ломоть которого будто кто специально посыпал влажным розоватым пахучим сахаром...

Теща садилась, положив натруженные руки на колени, и вся наполненная счастьем, любовалась, как светились удовольствием детские глазёнки, когда уминали все это – вдохновенно, с аппетитом и воодушевлением.

И, пресыщённые, ошалевшие от изобилия, они опять жадно хватали очередной плод обеими руками, надкусывали и, вздохнув, откладывали в сторону, будто «на потом»... А ручки сами собой тянулись за другим, ещё более аппетитным. А я сожалел, что не смог я до того времени приобрести фотоаппарат...

– Вот разбалуешь нам детей, что потом мы с ними будем делать в нашей Сибири? – Корил я тещу.

– За двадцать дней не успею их разбаловать. Больно они у вас адресированы. Оставляй их нам на зиму – тогда посмотришь, какими они у нас станут.

– Да кому там их дрессировать? Тайге разве. А мы и ее сможем же каждый год приезжать. Так, что же? так и жить нам без детей?

– А вы себе еще настрогаете. Вишь, какие они у вас завидненькие, да хорошенькие получаются!

Тесть работал кладовщиком в районном маслomorphicном управлении, и с работы каждый день приносил свеженькие, ещё с запахом коровьего вымени, молочные прелести: творог в комках, будто склеенных маслом, сметану, густую и жирную...

Там, у них с этим продуктом было тогда запросто. А в нашей Сибири нам видеть такое приходилось только во сне.

Впрок наедались и дети, и мы с ними. Обширной потаповско-мытаревской роднёй, целая рать всяких тётъ да дядь, родных, двоюродных и троюродных, переполнен был весь городок. Приходили в гости сами порознь, и парами, и с детьми.

И всё новые и новые... Никак не запомнить мне всех. А они дружно удивлялись, любясь сибиряками. «Какие они у вас славные!». Ахали – охали, тискали визжащих от удовольствия ребят...

Потом устанавливали очередь встречных визитов. Всё для того, чтобы проявить уровень и своего гостеприимства, на своей территории, за своими столами, при своих скатертях – самобранках.

В действие была приведена система чисто русского чрезмерного, избыточного гостеприимства!

Родственники выпытывали у тётки секреты наших пристрастий в еде. И вздыхали с недоумением, при объявлении о том, что любим-то мы в основном только салаты овощные, да винегреты.

И всё было так прекрасно! Всё было так хорошо, что казалось даже с избытком, слишком... Так всегда поневоле начинает казаться, когда должно что-то случиться.

Жена цвела – «Вот видишь? Я же говорила?». И это рассеивало мрачные тени от мыслей.

Отпуск удавался на славу настолько, что уже никак и не могло бы оказаться в нашей серенькой действительности... Мы, к такому благополучию просто не привыкли.

Ах, Михайлов – Михайлов! И могут же люди жить в таком раю, да ещё проявляя часто по мелочам своё недовольство!

Глава 3

На, может на четвёртый, или пятый день, после нашего приезда тесть пришёл с работы не в меру озабоченным.

И по времени – много раньше обычного.

О чём-то мрачно пошептались они с тёщей..., а потом... таинственно как-то поманил он меня в терраску на огороде.

– Начальник милиции тебя кличет к себе... – сказал, заговорщицки оглядываясь по сторонам.

– Начальник? Сам лично? Это зачем ещё?

– Говорит – из Москвы депеша ему пришла про тебя. Призывают дела тебя в Белград.

– Меня в Белград? Какой Белград? Да ты понимаешь, что это же в Югославии город такой. Это же за границей! Ты ничего не напутал? И как это так меня может кто-то «звать»? Откуда они могли и узнать, что в Михайлове есть какой-то такой – я?

Тесть пожимал плечами и смотрел на меня пустыми растревоженными глазами...

Всё это показалось тогда диким, непонятным... неестественным настолько, что я замер в растерянности. Можно было подумать, что через тестя кто-то просто шутит надо мной, меня просто кто-то пытается разыграть – приколоться.

– Подожди-ка, отец. Расскажи всё по порядку. Как он тебя вызвал, о чём говорил...

– Ко мне на склад, – рассказал тесть, – появился лейтенант из милиции – Лёшка. Он у нас свой... прикормленный. Часто к нам забегает по соседству. А сиди он и говорит мне, как только зашёл: «дядя Андрей, тебя с гостями дома? Так с тебя причитается!»

– Да дочка с семейством приехала в отпуск, – говорю ему.

– Одна? Али с зятем? – спрашивает».

– А как же без зятя? Без зятя ей нельзя. Дети у них. Двое маленьких

– Так он у тебя кто, зятек-то? Вообще-то, он какой? Весёлый мужичок-то у дочки?

– Почему, весёлый? – Говорю. – Нормальный. Трезвый и деловой мужик. Булгахтер..

– А чего ж его – булгахлтера простого —

– Как, так вызывают? – говорю. – Кто его по срочной депеше из Москвы в Белград вызывает? Он же в отпуске. И ты откуда про него узнал?

– А вот ты сходи, – говорит, – к подполковнику нашему. – Зовёт он тебя, поначалу, – разъяснит, что к чему. Только он такой ругачий сейчас. Потому что принесло его не вовремя – твоего зятя-то Потаповского, – говорит, – на мою голову.

– Подполковник, и правда, меня отругал... – продолжил тесть. – За то, что я не объявил в отдел милиции, что ко мне гости понаехали! Понимаешь? Какие-то новые порядки ввели! Никогда такого не было! А особенно не сама дочка, она-то у нас местная, своя, а именно – ты! И велел он тебе, самому, срочно к нему явиться. Посылают, как он сказал, тебя в командировку. А куда, как и зачем ехать – это уже он сам тебе всё обскажет.

– И я спросил ещё: «А если он не поедет? – Он же в отпуске!».

– А нам, – говорит, – поступила команда его отправить. А как мы её выполним, это уже наша проблема – говорит. – И мы отправим! Хоть под конвоем!

– Так мне, что завтра утром идти? Уже рабочий день кончается.

– Ты чего, «завтра»? Какой «завтра»? Сегодня! Сейчас! Он сам там тебя ждёт.

Подполковник действительно меня ожидал. Они, эти выдрессированные работники спецслужб умели быть очень дисциплинированными, когда дело шло о делах, связанных с каким-то спец-секретом...

Он с любопытством оглядел меня с ног до головы... Предложил сесть... Вежливо по форме, но тоном командным, не допускающим возражений, объявил, не выпуская из своих рук какой-то документ. Что мне надлежит срочно... нет даже – «весьма срочно»... то есть сегодня же, в ночь, отбыть в город... Белгород!. Так, чтобы завтра уже там, явиться в областное Управление Государственной безопасности.

– По всем остальным вопросам вам нужные разъяснения дадут уже в том Управлении. Потому желаю вам доброго пути.

– Спасибо. А деньги на дорогу? У меня же ведь с собой свободных нет. Я на такую командировку не рассчитывал.

– Займите их пока у тестя. Он мужик тороватый! А там, уже на месте, вы с ним и спросите. – Он подумал немного и добавил: – А потом вот ещё что... когда вернетесь оттуда, если конечно вас отпустят с миром... не болтайте о том, соберите свои манатки... и постарайтесь поскорее уехать из нашего города.

– Почему? Мне не разрешено здесь быть?

– Просто, так не только для нас, но и для вас будет спокойнее...

Я ушел не прощаясь. И думал по пути в тещин дом, что вернусь я сюда ещё обязательно! Тебе, бюрократу, назло! Не в этом году, то через три года, через пять... И из города этого сейчас, пока не закончится мой отпуск, я не уеду ни за какие коврижки. Потому время отпуска моего, каждый его день, каждый час – нужен был в первую очередь моим детям.

Мне еще думалось о том, как же быстро они там, в Москве, определили место моего пребывания. Кто-то, как видно, этим специально занимался! Ну, предположим, адрес родителей жены секретом ни для кого не был, но всё равно оперативность, с какой сработала эта служба, впечатляла! И зачем я им? Что за личность особенная? Каких пакостей они ждут от меня еще?

И решил я всё же, что торопиться мне нечего. У них свои дела, у меня – свои, а потому: поеду я не в ночь, как велел начальник, а на другой день утром.

Только ночью справиться уже с нервами и нормально поспать, хоть пару часов, мне так уже и не удалось.

А жена моя, подготовленная уже в некоторой степени с помощью тёщи, тестем вполне спокойно восприняла сообщение о моей командировке.

– Надо, так надо. – Философски изрекла она. Просто не поняла, и не подумав о том, что темная туча неожиданно нависла не только надо мной, но и над всем нашим с ней семейством.. И было мне немного где-то обидно это, но в то же время – просто очень хорошо, что в дом не вторглась ненужная тревога.

Изменение маршрута командировки – из Белграда – на Белгород – её даже несколько разочаровал. Ведь интереснее же было бы, если мужа командировали бы за границу. А кто бы там подписал эту командировку, и с каким поручением – это уж были совсем второстепенные детали забавного необычного приключения.

И женой, и тёщей, всё ещё продолжала владеть глубокая эйфория от нашего приезда и им, было, не особенно важно был ли я где-то здесь рядом, или в недалёкой временной отлучке.

А мы с тестем, и не договариваясь даже, свои переживания и опасения постарались скрыть поглубже в себе и никому их не показывать. Женщины и дети должны были жить в мире незамутнённого комфорта и счастья.

В Москве, во время пересадки на Курском вокзале, и ещё больше утром, уже в Белгороде, меня не оставляли ощущения человека попавшего под какой-то дикий розыгрыш.

Казалось, что там, в областном управлении Государственной Безопасности уже какой-то более серьёзный мужик в военной форме скажет мне:

– С вами грубо пошутили. Возвращайтесь-ка себе обратно.

Но всё оказалось вполне серьёзно.

Меня встретили, без удивления... деловито позвонили в гостиницу, выдали талоны на обеды в какой-то рабочей столовой. Из расчета на трое суток!

И деловито посоветовали не тратить время даром, а сходить пока на экскурсию – осматривать все достопримечательности их прекрасного города.

Понадобился я им только в конце следующего дня. Для опознания каких-то людей на фотографиях Я никого из них не узнал, следовательно воспринял это без удивления, записал в протокол, дал мне расписаться в том и поблагодарил меня, вызвав на этот раз моё уже удивление этим. Никогда до этого я не встречал таких культурных кагебистов...

Потом ещё, вечером в кабинете начальника с участием прокурора они устроили мне официальные встречи с какими-то людьми. Один из них, по разговору – местный, был острижен коротко – под «арестанта», и одет в изношенную казённую, явно зэковского образца, одежду. Двое других – как видно – приезжие – опасались почему-то выходить из номера гостиницы поодиночке.

Ответы наши о том, что мы «незнакомы и никогда до этого не встречались» следователи воспринимали уже с некоторым недоверием, но в протоколе факт фиксировали.

И опять повторно послали меня осматривать «очень уж интересные» достопримечательности города, при осторожном, совсем почти «незаметном» для меня, сопровождении какими-то безликими «топтунами».

Мне всё это порядком уже надоело, и я устроился в номере с намерением целый день проваляться на кровати с книжкой, и выходить из гостиницы только для подкрепления в столовой.

Однако и там покоя не было. Номер был «общий» – большая комната на четыре человека, и товарищи по жилью вели себя не очень-то корректно. Они курили лежа в постели, потом решили «сообразить на троих», для проформы принять в том участие пригласив и меня. А, когда я отказался, совсем даже перестали считаться с моим присутствием.

В чужом городе было опасно ссориться из-за мелочей.... И я делал вид, что понимаю и разделяю их чисто «мужское» поведение.

На улице было безлюдно, моросил мелкий дождик, пахло кислыми щами... и душа моя вдруг затосковала.... Но, как это ни странно не по предвечерним прелестям городских окраин Михайлова, а по ароматному испарению томской тайги.

– Ну, вот еще такой привязанности мне не хватало...

– Что-то ты какой-то не такой... – Подошел ко мне недалеко от входа в гостиницу любопытный толстячок из соседнего номера. – Все тебе здесь не нравится, все не по тебе. В Сибири разве лучше?

Вот тебе и раз. И откуда только такая осведомленность?!

– А ты почему судишь, что я из Сибири? – Спросил я его.

– Дак, ты еще и не приехал, собирался только, а мы уже знали, – едет важный свидетель.

И мы будем знакомого мужика опознавать.

– Ну и как? Опознал?

– Вроде похож немного на одного тут. Только ты – это не он. Ты учнее на вид. Грамотнее. А тот был мужиковатый. И, больно – хитёр.... А ты, видать, простодушный, тебя обмануть, что два пальца обоссать...

– Так и сказал... им – чекистам?

– Так и сказал. А чего мне врать... Ты смотри тому худому, длинному из твоей комнаты не покажись знакомцем. Затаскают... по опознаниям да по очным ставкам. Что-то за ним большое они числят.

Только к концу третьего дня мне, наконец, оплатили расходы по проезду, обсчитав при этом на треть моих «законных» расходов, зная при этом, что я – бухгалтер.... И разрешили возвращаться «в свою Сибирь».

Я уехал в тот же вечер

«Отпускное» настроение было безнадежно утрачено.

Глава 4

Даже возврат в мощное доброе энергетическое поле, каким был наполнен дом родственников в Михайлове, не смог восстановить мне утраченное равновесие.

У нас сохранились групповые фотографии того времени. На них хорошо заметен диссонанс моей надушенной физиономии с общим фоном счастья и довольства всех остальных присутствующих.

Воспоминание вот об этом-то происшествии и стало основным решающим фактором при просмотре вариантов для перемены нашей судьбы.

Главным фактором... Но если бы только это...

Вы понимаете? Встретился вдруг на улице (в городе Михайлове!) тот самый доброхот, что жил тогда в соседнем номере гостиницы. Тот самый, что предупреждал меня «не показаться» соседу по номеру. И отдалось в ушах вдруг его «затаскают!».

Столкнулись нос – к носу! Он остановился вдруг с удивлением глядя на меня.... Потом сказал:

– Нет – нет! – И головой замотал, будто стараясь отогнать наваждение. Только «Свят – свят!» не сказал.

И пошли мы дальше каждый своей дорогой, не проявив никакой готовности для общения.

А для того, чтобы понять ход моих мыслей и ощутить мои терзания той поры нужно бы хоть на некоторое время вникнуть во – внутрь всех завихрений осознания действительности, представить с позиции нормального человека, тот болезненный ком, который тогда представляла собой моя психика в то время, в, общем-то, довольно благоприятное для нас.

Ведь одиннадцать с «гаком», как говорят на Украине, лет, в условиях полярного Севера, на грани жесткой борьбы за выживание, да ещё после войны, оккупации, в состоянии постоянной мобилизационной готовности на фоне совершенно иных ощущений, воспринимались, будто жизнь проходила в каком-то совершенно ином мире. Время в те годы, потом только стало это понятным, проходило часто с неожиданной задержкой, как у поезда с остановками, и ощущалось более длительным, его действительного в том календарном периоде. И эти годы представлялись мне, не только не изъятыми из моей жизни, не украденными у меня. А, проведенными, будто, в командировке в какой-то другой стране, очень похожей внешне на нашу, только в иной реальности, с совершенно иной по сценарию для меня ролью..

Я подсаживался поближе к жене. Не в поисках защиты и поддержки, а, как уверял себя, наоборот, для того, чтобы оказать помощь ей и успеть защитить от чего-то, ей совершенно непонятного.

По сути, я постепенно становился дополнительным потребителем её энергии – этаким вурдалаком. Мне должно быть нужно было хоть немного её, этой энергии для того, чтобы только прийти в себя.

А она и сама, в особенности в то время, беременная первой дочерью, тяжело переносила своё состояние и очень нуждалась в энергетической поддержке извне, а потому была своенравна и капризна.

И мне, по сути, необходима была мне самостоятельная, ни от кого не зависимая, кропотливая работа над самим собой, над своей психикой, самодисциплина, чтобы быстрее освоиться в том новом для меня мире и приучиться жить жизнью, такой как жили все вокруг, даже в тех условиях. А это, кто после долгих лет обретал свободу, тот знает, было невероятно трудно.

Глава 5

Мы из Томска уезжали вместе с моими родителями. Как вполне взрослые, самостоятельные люди: купили в кассе билеты, заняли целое купе первого класса и почувствовали себя – четверо взрослых с тремя малышами – необыкновенно приятно в замкнутом пространстве тесного, расширенного зеркалами уюта.

А когда поезд отошел от Томского перрона, я, с отцом молча, со схожим мироощущением, не скрывая друг от друга удовлетворения, переглянулись и отвернулись от окошка, потеряв всякий интерес к вечерним сибирским пейзажам.

– Ну, слава тебе, Господи! – отец пробормотал с облегчением.

– Ты думаешь, они могли нас снять с поезда? —

– А ты хочешь сказать, что – тебе не так подумалось? – ответил вопросом на вопрос сердито. – Потом добавил: – Они всё могут. От них всего можно ожидать. Это их государство, тут их власть, их законы.

А потом трое суток в пути. Трое суток ощущения внутренней почти полной свободы.

Старшие ребята вели себя мудро, как опытные дисциплинированные путешественники. Младшая – Любушка – сразу же освоилась в вагоне и стала очень быстро баловницей не только нашего укрупненного семейного коллектива, но и бригады проводниц. За трое суток мы перезнакомились и подружились и с пассажирами из соседних купе. Дети беспокойства не доставляли, после сибирских будней их интересовало все кругом и в вагоне, и в большом мире – за окнами. Только за Любой нужен был постоянный, хоть отдаленный контроль. Она вела себя очень активно, подчас, даже по-детски беспардонно, пользуясь добрым чувством взрослых. Неожиданно вдруг она оказывалась в купе проводниц, или среди молодых ребят соседей. Ей только недавно в начале июня исполнилось всего два года, но она уже разговаривала и могла выразить свои пожелания.

Много лет потом, вспоминая прошлое наше путешествие, кто-нибудь с умилением пытался копировать жалобную просьбу засыпающего ребенка:

– Дедуська! Дай Бубуське молока!

Она еще не разобралась в степени родства своих прародителей, путала их звания. И с удовольствием, без всякого стеснения, несмотря на запреты, как должную подать собирала гостинцы от соседей.

И, может быть, именно от нее начиналось ощущение удивительного комфорта в нашем временном маленьком мирке перенаселенного, но совсем не тесного для нас купе.

Женщины дружно хлопотали над устройством быта, в этом ощущался всеми залог оптимизма будущих дружеских взаимоотношений. А отец с некоторым даже озорством, плутовато поглядывал на меня. И, было тогда только чуть-чуть, совсем немножечко тревожно на душе.

Мы сами себе так нравились! Ведь мы решились! Мы бежали из Сибири!.

Глава 6

В Московском людском водовороте мои родители проводили нас до Павелецкого вокзала, а сами отправились на Киевский. Они ехали в украинский город Дубно к Тоне – старшей моей сестре. А еще – и через Киев, с остановкой в нем, встречи ради и с тетей Олей, старшей сестрой моей мамы. А я иззавидовался – душа рвалась: «В Киев хочу!»

А здесь в Москве практически начинался уже «Материк», так называли, прибывающие из Севера, Дальнего Востока, и Сибири, «Центральную» Европейскую часть страны. И, как казалось, здесь, будто по волшебству все уже становилось простым, понятным и доступным. И отношения между людьми и расстояния с совершенно другими масштабами.

А всего ночь бы в дороге – и вот тебе Киев! И автобусом всего за несколько часов можно доехать и до Винницы. И до Дубно – к сестре в гости тоже можно... Никаких ограничений, проверок тебе, никакого наглого контроля. Билет в кассе купи – и рассаживайся удобней... Люди вокруг доброжелательные, без косых взглядов. Никаких подозрений, а особенно по отношению к пассажирам с детьми! ...Тремя! Никто из попутчиков и подумать бы не мог о том, что вот этот я – совсем по сути своей не такой как все они. Что я – совершенно иной. Что у меня даже и паспорт – это документ с ограничениями. Приложением к нему, к этому паспорту свободного гражданина должна предъявляться справка «об освобождении» оттуда...

Нам билеты до Михайлова дали на шестичасовой почтово-багажный. Ну и ладно – торопиться то некуда!

Вокзал Павелецкий небольшой, будто провинциальный – это вам не гиганты – Казанский или Киевский. И пассажиров совсем немного. Мы заняли целый угол, расположились вольготно, перекусили тем, что осталось с дороги, усевшись рядком, заели московским мороженым... Вкуснота! Комфорт!

Я после еды долго ходил кругами около телефонной установки в почти пустом зале для дальних пассажиров, никак не осмеливаясь поднять трубку этой столичной чудо – техники.

И, несмотря на то, что считал себя вообще-то в той эпохе, в какой-то мере, даже передовым культурным человеком, я не мог себе и представить..., И не технически... нет. А чисто в виртуальном плане, как это так, после целых двенадцати лет разлуки, диких условий лагеря, сибирской ссылки, я смог бы где-то на другом конце провода, да еще в Москве! услышать до слез такой родной голос своего старого друга.

Господи! Как руки дрожали перед героическим поступком!!!

Жена иронически поглядывала в мою сторону: ну чего мучается мужик – старика-то уже давно нет! Сколько лет прошло! Молодые и то вон мрут, как мухи! А она-то ЕГО ведь не знала!!!!

А какой-то мальчишка лет тринадцати, даже не глянув на меня, развязно, как у себя дома, нагло скользнул в будку впереди меня, плотно прикрыл дверь и долго кривлялся, изворачивался, разговаривая, как видно с девочкой. А я стоял уже совсем рядом со стеклянной дверью, оберегая очередь от новых вторжений. И злился на того, ни в чем не повинного, парня. Но больше еще на себя самого.

И всё мям я в руках письмо Николая Алдохина, который уже давно в прошлом сообщил мне московский телефонный номер нашего общего воркутинского друга.

Столько же лет этому письму? Уже и бумага пожелтела, Алдохин сам потерялся где-то в жизненном водовороте.

Но Федор Федорович, это наш общий у нас с ним старший товарищ... и преданный друг... оказался благодаря этому листку потенциально доступным...

Однако, чего только в жизни не бывает.... Могут быть ведь ремонты в квартире или на телефонной линии... Смена номеров... Дома может быть его нет на данный момент...

А он вдруг... ответил сразу... почти мгновенно, будто специально сидел и ожидал моего звонка.

У меня в горле сразу возник какой-то ком, и я назвал себя чужим голосом. Однако – он всё же – узнал меня!

– Юра – Юрочка! – И голос его дрожал... – Да, как же я рад тебя слышать! Да, действительно. Я ожидал звонка... жены. У нас тут некоторые бытовые сложности с соседями. Но ты бери такси и срочно приезжай. Я расскажу куда! Не стесняйся – я встречу машину у подъезда, и оплачу проезд. Адрес – запаши или запомни...

И, пока он говорил, у меня в горле все рос так не вовремя возникший этот ком, голос охрип, руки дрожали...

– Федор Федорович... Федор Федорович... сипел я через силу – повторяя раз за разом. – Неужели же это действительно вы?... Какое там такси? Мы же проездом! И я ведь не один. Нас же здесь очень много. Есть и очень маленькие.

– Всех вези! Рады всем! Разместимся!

– Нельзя нам. Мы с вещами. И поезд наш уже через три часа. Мы просто ничего не успеваем.

Глава 7

И он сам побывал тогда на вокзале, познакомился с моими: женой и детьми, оставил по себе в память в каждом из них.

Я уже сюда приезжал и раньше... – рассказывал я ему. – В отпуске был с семьей. И номер вашего телефона у меня уже тогда был..

– Ну! И почему не позвонил? Стеснялся?

– Нет. Я был тогда совсем незаконно. Боялся и на вас навлечь неприятности... Но сейчас тоже... вы знаете? ... сейчас я тоже в бегах... Самовольно вот взял, собрал семью и уехал оттуда... из Сибири. А у меня же нет прав на выезд из Сибири...

Он огляделся по сторонам, посмотрел в сторону моего притихшего семейства, ласково на меня, поглаживая мой локоть...

– Ну сейчас уже время другое, все же Нет такого пресса, как прежде. И Господь милостив. Я так считаю, что они и сами всех бы распустили уже, да только почему-то стесняются это сделать. А только и нам всю жизнь их бояться нельзя. Нужно набираться мужества отвоевывать себе какое-то жизненное пространство. А кроме того – ты же не на пустое место обрушиваешься, с такой командой. К родственникам вы приехали. Вот смело и держись, даже иногда может и нагловать.... Такая форма поведения очень часто в жизни помогает. Они там тоже уже не совсем уверены в законности своих действий. Если бы опытному юристу проследить документооборот вокруг твоих этих ссылок по разным Сибирям, то может оказаться, что она совсем даже по советским законам и незаконна, эта ссылка. Решения суда-то ведь нет, и не было. Есть только какие-то приказы, распоряжения... Тебя же никто даже и не предупреждал, что уезжать нельзя. Так может все это фикция? Все так и пройдет. А жена ко всем этим... опасениям как относится?

– Она многого не понимает. Думает, что всё это в основном только моя фантазия. Моя мнительность, мол, заставляет меня опасаться.. Что и у всех вокруг нас в Сибири тоже такая же обстановка... Такие же обстоятельства. Меня же все в нашем окружении уважают. И что вообще со всеми могут быть подобные казусы. Она и живет в каком-то своем мире, смирившись заодно и с некоторыми сибирскими неудобствами в быту. Она даже умудрилась меня ревновать!

– А может так и нужно думать? Так легче переносить их – эти «неудобства». В Сибири, где холод, жизнь без водопровода в доме, без канализации, с туалетом на улице...

– Во дворе... удобства – поправил я.

– Ах да. Во дворе. Во дворе ведь там теплее, чем на улице! Да с печным отоплением в квартире. А дрова часто не горят...

– Так там все так живут...

– Да я все понимаю. Но, если бы только взрослые так жили. Всё же лучше, чем в лагере. А то – и такие вот крохи. Да ещё целых трое в одной семье. Мужественные вы все же люди, ребята. Вас давят, а вы воссоздаёте потомство. А особенно – она. Женщина. Жена. Будем же надеяться, что все это у вас уже ушло в прошлое. Впереди – спокойная, размеренная жизнь в миленьком уютном уездном городке.

– Очень уж уютном. Да только меня уже крепко трясли в этом милом уютном Михайлове. И даже в командировку направляли в другой город по линии КГБ. Их «зонтик» над моей особой пристроился очень крепко, он постоянно мне свет прикрывает, не зависимо от того – дождь ли там, солнце ли на улице. Но я даже образование попытался воссоздавать. В университете попытался поучиться...

– Им бы в твой «Университет...»

– Да уж...

Глава 8

А в Михайлове, на мое счастье, тогда было все тихо и спокойно. И уютно по-деревенски. Моего старого «приятеля» – начальника милиции куда-то перевели с повышением. Другие чины милиции – и не заметили, кажется, нашего появления в городе. А может, только сделали вид, что не заметили. Тесть, на мой вопрос, молча, успокаивающе кивнул головой и отвернулся..

Дядя моей жены – ее «крестный». Это его фотографию я видел в альбоме у них в военной офицерской форме, с фуражкой на затылке. Он работал бухгалтером в строительной организации и пользовался большим авторитетом в городе – был «ветераном ВОВ».

Он сам предложил мне свою помощь при устройстве на работу. И при его ненавязчивом содействии – я уже через несколько дней, чтобы не оттягивать время, (покая-то на душе то не было!) предложил свои услуги с рекомендацией на любую бухгалтерскую должность в местный строительный трест.

Эта организация, специально создана была для руководства несколькими СМУ, которые строили новый цементный завод и пару 70 квартирных домов в посёлке недалеко от Михайлова. Но, по моде того времени и руководящий центр был максимально приближен к объектам – расположен совсем рядом со строительной площадкой, но километрах в двадцати от города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.